

Опасная
Игра
Тея Лав

Manga
gata
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Лав, Т.

Л13 Опасная игра / Тея Лав. — М. : Мангата, 2026. — 336 с.

ISBN 978-5-6054635-7-3

Это больше не игра. Хоккей был игрой в школе.

Это даже не цель. Это все, что есть.

Если ты играешь в хоккей, это превращается в твою жизнь. Больше ничего быть не может.

Теперь амбиции Ноэля позволяют ему не просто мечтать, а серьезно думать о большом спорте. Ничто не должно отвлекать. Даже сейчас, когда он играет в юниорской лиге.

Но хоккей — это не только тренировки, борьба и победы. Это семья. На льду только так.

«Росомахи» уверенно поднимаются по турнирной таблице. Крепнет дружба, общая страсть объединяет. Этот клуб для Ноэля уже не просто билет в НХЛ. Этот клуб формирует из него личность. Ничто не должно отвлекать.

Но Маккензи отвлекает. И в этом нет ее вины. Кто виноват, что эта девушка с кучей секретов, дерзким характером и бурным темпераментом не выходит из головы Ноэля?

Они тянутся друг к другу. Но электрическое поле между ними может взорваться.

Этой зимой случится многое, она обещает быть бесконечной...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Л, Тея, текст, 2026

© Издание на русском языке, оформление
издательство «Мангата», ООО «Норгис-
пресс», 2026

ISBN 978-5-6054635-7-3

ПЛЕЙЛИСТ

mgk — jawbreaker
Ariana Grande — break up with your girlfriend, i'm bored
Halsey — Die 4 Me
mgk — papercuts
Eminem — Just Lose It
Jaymes Young — Infinity
YUNGBLUD — casual sabotage
Sum 41 — Underclass Hero
Katy Perry — Roar
Linkin Park, Jay-Z — Numb / Encore
Panic! At The Disco — Miss Jackson
bülow — Not A Love Song
mgk (feat. iann dior) — nothing inside
Post Malone — Circles
Miley Cyrus — Midnight Sky
Sum 41 — Some Say
Halsey — Nightmare
Sum 41 — Walking Disaster
Good Charlotte — The River
The Neighbourhood — Scary Love
mgk — roll the windows up
Cardi B — Up
AC/DC — Highway to Hell
Lady Gaga — Alejandro
YUNGBLUD — parents
YUNGBLUD — Die A Little
Sum 41 — Pieces

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

ГЛАВА 1

МАККЕНЗИ

Он появляется спустя два дня после игры. Я помню расписание «Росомах» и знаю, что ему нужно уезжать рано утром в Ванкувер. Тем не менее Ноэль здесь, поздно вечером перед самым закрытием.

Я вопросительно смотрю на Колби. Тот кивает и направляется к единственному занятому столику. Ноэль сидит за стойкой, уставившись перед собой. Заметив мое приближение, он поднимает голову. Мы не звонили друг другу и даже не переписывались. Я понимала, что ему нужно время прийти в себя. О травме Чейза я узнала от дяди.

— Привет, — тихо говорю я, забираясь на высокий стул рядом с Ноэлем.

От него пахнет свежестью. Ноэль ничего не говорит. Он просто проводит холодным пальцем по моей щеке. Сердце непривычно подскакивает к горлу. Я думала, что смирилась со своим влечением к этому парню, но оказалось, что нет. Каждый его взгляд и движение приводит меня в восторг. Это давно забытое чувство, которое мог вызвать только он.

Мы молча смотрим друг на друга. Ладонь Ноэля на моей щеке. Я подношу ее к своим губам и вижу в его ореховых глазах вспыхнувший огонек. Боже, как он красив. Этот парень сводит меня с ума. Своей непосредственностью, в какой-то степени наивностью и честностью. Я так привыкла к его улыбке. И сейчас мне грустно, потому что этой улыбки нет. Но он так же красив.

— Прости, что не звонил, — Ноэль прерывает мои поэтические мысли о нем.

Я опускаю его ладонь и провожу пальцами по мокрым от снега темно-каштановым волосам.

— Не извиняйся. Сейчас ты здесь.

Он кивает, слегка улыбнувшись.

— Хочешь поговорить? — спрашиваю я.

Ноэль раздумывает несколько секунд.

— Может позже. Не сейчас.

— Хорошо.

Едва касаясь его холодной кожи, я провожу пальцем по рассеченной коньком щеке. Линия пластыря тянется от правого уголка рта почти до самого уха.

— Еще болит?

Ноэль устало улыбается.

— Нет.

Я все еще ощущаю дискомфорт. Мне непривычны собственные чувства, и видя, как Ноэль расстроен, я должна поддерживать его. Но не могу. Я не знаю, что делать и что говорить, поэтому просто сижу рядом и смотрю на него.

Но, кажется, Ноэлю не нужны слова. По крайней мере, я на это надеюсь. Он быстрым взглядом осматривает зал и приближается ко мне.

— Не могу дождаться закрытия.

— Я тоже, — шепчу я, и вместо того, чтобы спокойно закончить смену, я хватаю Ноэля за руку и веду его к уборным.

Как только мы оказываемся вдали от посторонних глаз и камер, то набрасываемся друг на друга. Ноэль тихо шипит, когда я, забывшись, хватаю его за лицо и целую.

— Боже, прости.

Он качает головой и, запустив пальцы в мои волосы, продолжает поцелуй. Запах, тепло, желание — я готова раствориться в нем.

Ноэль усаживает меня на раковину, а я обхватываю ногами его бедра. Не знаю, сколько проходит времени, но Ноэль отстраняется.

— Нас не должны застывать.

Я тянусь к нему, сжимаю в руках его куртку.

— Не так уж мне и нужна эта работа.

Ноэль тихо смеется и качает головой.

— Я так и думал. Но ты бы хотела уволиться?

Его вопрос застает меня врасплох. В принципе, я могу уйти из «Ваша пицца», ничего не потеряв. Но... так ли это? Я привыкла слушать безумные рассказы Колби о его коте, о походах к ветеринару и поучениях о том, что нельзя кормить животных холодным паштетом. Мне нравится наблюдать за тем, как Руби считает выручку в конце смены. Она складывает наличные и чеки в ровные стопки и начинает считать, при этом подпевая себе под нос. Если в смене Майя, в зале всегда тихо играет кантри, и чаевых у нас больше, чем в любые другие дни. Она умеет общаться с людьми. Мне нравится болтать с Келом о фильмах, в которых он замечает какие-то отсылки и смыслы, о которых я даже подумать не могла, если бы вообще когда-то думала. Мне даже иногда нравится Финн. Он вечно хмурый, но это только забавляет. Он вовсе не строгий, каким хочет показаться.

Поэтому нет. Я не готова уходить отсюда.

— Нет, — честно отвечаю я. — Мне здесь начинает нравиться.

Даже несмотря на выходку моих бывших друзей, я готова и хочу здесь работать.

Ноэль широко улыбается, но тут же морщится от боли в щеке.

— Черт, я даже не могу нормально улыбаться.

Я осторожно целую его в пластырь и спрыгиваю с раковины.

— Если ты готов подождать меня еще тридцать минут, я обещаю, что смогу помочь тебе забыть об этой досадной штуке на твоём лице.

Глаза Ноэля озорно блестят.

— Ради этого я готов ждать сколько угодно.

НОЭЛЬ

Вторая выездная игра в Альберте. Когда мы приезжаем в Медисин-Хат, чтобы вечером выйти на лед «Тигров», выпадает снег. После ванкуверского зимнего дождя это кажется диким. Большую часть дня я сплю, а на раскатке чувствую себя отвратительно. Мой взгляд раз за разом приковывается к рамке, в которой стоит восьмой номер — Дэйв. Не тридцатый.

Чейз пришел в себя два дня назад. Но пока с ним нельзя связаться, тем более увидеться. Сама мысль о его травме сводит с ума. Я понимаю, что такое может произойти с любым. Это хоккей. Сегодня я могу быть будущей звездой НХЛ, а завтра — со сломанным позвоночником, и ни о каком будущем не может быть и речи. По крайней мере, в спорте. Но по какой-то детской наивности я полагал, что со мной этого не случится. И с моими друзьями тоже. Теперь я понимаю, что стоит на кону и что возможно все.

Победа у «Тигров» буквально вырвана зубами в овертайме. Тренер нами недоволен, и мы тоже. После игры я забираюсь в кровать в номере отеля и звоню Маккензи.

На экране появляется ее лицо, и я стараюсь сдержаться смешок.

— Ух ты, вау, — восклицаю я и все же улыбаюсь.

Недовольную гримасу Маккензи можно разглядеть даже через слой какой-то непонятной жидкости, которая покрывает все ее лицо.

— Ни слова.

— О боже, ты мой лягушонок.

— Не смей.

— Что? Ты же специально!

— Вовсе нет.

— Что это? Хэллоуин не скоро.

Маккензи фыркает и поправляет на голове зеленый ободок с лягушачьими ушками.

— Твои шутки иногда такие...

— Какие? — подстрекаю ее я.

— М-м... глупые.

Я разочарованно вздыхаю.

— Где моя Маккензи?

Она улыбается.

— Тупые, Ноэль. Твои шутки тупые. Они не подходят для почти девятнадцатилетнего сексуального хоккеиста.

— Вот моя девочка, — одобрительно киваю я. — Как же меня заводит, что ты называешь вещи своими именами.

Сначала Маккензи вопросительно смотрит на меня, затем театрально закатывает глаза.

— Ну да, ну да, я забыла про твое самомнение.

Прикусив нижнюю губу, я задираю футболку и наклоняю телефон так, чтобы она увидела мой пресс.

— Ну разве это не горячо?

Маккензи переворачивается на живот. Теперь я вижу, что на ней тонкая, почти прозрачная майка, которая мало что скрывает.

Я тихо вздыхаю.

— С недавних пор я стал ненавидеть выездные игры.

Она улыбается, замечая, куда направлен мой взгляд.

— Ты один?

Я делю номер с кэпом. Он и еще несколько ребят из команды решили пройтись по городу и где-нибудь перекусить. Но у меня на это не хватило сил.

— Один. Думаешь, я бы мог быть откровенным в присутствии кого-то?

Маккензи смотрит так, словно я ее оскорбил.

— Ты?

Отмахнувшись, я удобнее устраиваю телефон на бело-снежной подушке.

— Надеюсь, у нас достаточно времени, чтобы ты узнала меня еще больше.

Теперь Маккензи серьезна. Даже несмотря на это зеленое безумство на ее лице, я вижу, как она задумалась. Ведь я сейчас говорю о нас, о наших отношениях. Я сам не до конца понимаю, что от них ждать. Но единственное, в чем я уверен, это в том, что хочу быть с ней. Несмотря ни на что.

У меня даже не было времени подумать о сообщениях, которые приходили от анонимного аккаунта. В тот день, когда я увидел то странное видео с Маккензи и парнем с вечеринки, я не мог соображать. Я думал только о Чейзе. На следующий день я удалил видео и решил больше о нем не вспоминать. У Маккензи есть прошлое, и что-то в нем явно не очень гладко. Она сказала острую фразу про отца, что у нее больше нет друзей, и этот Хейден... Он был на вечеринке, с которой Маккензи ушла. Теперь я понимаю, почему. Наверное, мне нужно спросить, следует вмешаться. Но пока это просто какие-то глупые сообщения и одно видео. Реальных угроз не поступало. Но что, если поступают ей?

— Я тоже на это надеюсь, — отвечает Маккензи.

Я больше не улыбаюсь и приближаюсь к экрану.

— Малышка, у тебя все хорошо?

На секунду глаза Маккензи округляются, но затем она выдыхает и непринужденно улыбается.

— Да. Почему ты спрашиваешь?

Я пытаюсь правильно подобрать слова.

— Просто... хочу дать тебе понять, что я рядом. Если что-то не так, ты ведь скажешь?

— Ноэль, я...

— Мы говорили об этом. Мне сложно понять, что в твоей голове. Я не прошу рассказывать все. Я просто хочу быть уверен, что ты в порядке.

Маккензи садится на кровати, скрестив ноги. Ее белоснежная пижама и зеленое безумие на лице — теперь мой любимый образ.

— Со мной все хорошо, — отвечает она. — Я не умею, как ты.

— Что ты имеешь в виду? — Я удивленно вскидываю брови.

— Дать понять, что я тоже тебя поддерживаю, что тоже хочу, чтобы ты знал, что я с тобой, что мне жаль, что тоже волнуюсь за Чейза...

— Маккензи.

Она замолкает, глядя на меня.

— Умеешь, лягушонок.

Она улыбается, сообразив, что только что выложила все, что чувствует. Но затем снова хмурится.

— Не называй меня так.

Я громко смеюсь.

— О нет. Ты теперь от этого не отделаешься.

— Ноэль!

— Лягушонок? — говорю я и смеюсь еще громче.

— Кстати, — продолжает она. — Что ты хочешь на свой день рождения?

Я задумываюсь на пару секунд.

— Огромный торт и тебя.

Она закатывает глаза.

— Что? — продолжаю я. — Серьезно.

— Отлично, но я у тебя есть.

— Тогда еще одну.

Маккензи всем своим видом пытается показать, что не злится. Как же ее легко выводить на эмоции. Нет, я не собираюсь этим пользоваться ради своего удовольствия. Загвоздка в том, что я почти всегда так себя веду, а Маккензи еще не привыкла.

— Ничего не нужно, — уже серьезнее отвечаю я. — Сейчас у меня плотный график. Мы же решили, что придумаем что-нибудь после серии игр.

Она кивает, немного задумавшись.

— Хорошо. Тогда у меня еще есть время.